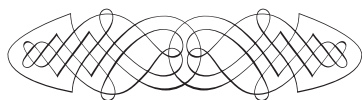
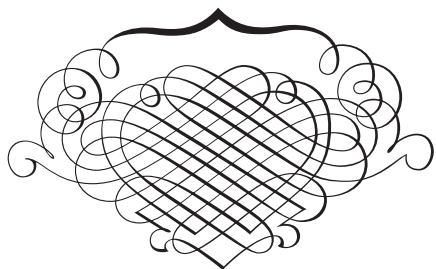

Петр
Алешковский

Петр
Алешковский
Арлекин
Роман

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А49

Оформление переплета – *Андрей Рыбаков*

Издательство благодарит литературное агентство
“*Banke, Goumen & Smirnova*”
за содействие в приобретении прав

Алешковский, Петр Маркович.

А49 Арлекин : роман / Петр Алешковский. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 576 с. – (Новая русская классика).

ISBN 978-5-17-102453-6

Роман «Арлекин» Петра Алешковского, лауреата премии «Русский Букер», – это жизнеописание незаслуженно забытого русского гения, поэта начала XVIII века Василия Кирилловича Тредиаковского, просветителя, переводчика, академика Санкт-Петербургской академии наук, создателя системы русского стиха, которой мы пользуемся и по сей день.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102453-6

© Алешковский П. М., 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

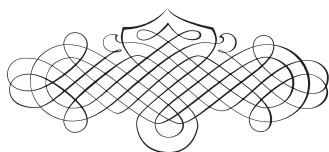
*Памяти моего деда –
Германа Александровича Недошивина*

Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или равномерного прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменять это состояние.

И. Ньютон. I закон движения

Словесность наша... и Увещательница,
и Преклонительница, и Утешительница,
и Ободрительница, и законов Положительница,
и от зверския нас жизни Отвратительница.

В. К. Тредиаковский

Часть первая
Астраханский
попович

1

Первая русская газета «Ведомости». Первый номер 2 января 1703 года:

«На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 400. И еще много форм готовых, великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пудов лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут. Царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Сибири пишут. В Китайском государстве иезуитов вельми не стали любить за их лукавство, а иные из них и смертию казнены.

Из Олонца пишут. Города Олонца поп Иван Окулов, собрав охотников пеших с тысячу человек, ходил за рубеж

в свейскую границу и разбил свейские заставы. А на тех заставах шведов побил многое число и взял рейтерское знамя, барабаны и шпаг, фузей и лошадей довольно, а что взял запасов и пожитков он, поп, и тем удовольствовал солдат своих.

На Москве 1703 генваря в 2 день».

2

Кирилла Яковлев, священник астраханского собора Живоначальной Троицы, долго обсуждал со своим приятелем отцом Иосифом дела строительные. В кровле над дьяконником обнаружилась течь. В прошлый дождь натекло изрядно, теперь бы в сушь и починить. Крыть надлежало белым олифеным железом, отец Иосиф обещался уговорить митрополита, чтобы отпустил, — запасено было на Успенский, но там вроде выходили излишки. Затем спустились в подклет, где хранился воск, и, как назло, чуть лоб не рассадили на лестнице: кирпич искрошился от постоянного хождения. Кирилла Яковлев упросил и лестницу переложить. Кирпич договорились взять с того же Успенского.

Пока уговаривал, пока ходили — недоглядел, рясу свечным салом закапал. А тут еще непорядок — крысы воск чучуяли. Все четыре тюка оборвали, крашенину растащили по полу. Вызвал послушников. Тюки разбирали, увязывали по новой, перекладывали: что порчено — к порченому, что сохранилось — к сохранному. Носили наверх все по той же лестнице. Сложили пока в келарской, а там уж пускай начальство монастырское решает — только эти твари везде нос сунут, не убережешься.

Так утро прошло. К матушке не навещался. Сегодня опять — пироги пекла, прислонилась к печке, голова кругом. Со дня на день родит, пузо, как море Хвальнское, ходуном ходит, а все к печи. Упросил повитуху на эти дни дома посторожить. Мария маленькая за подол цепляется, дела домашние стоять не могут: и пеки, и стирай, отец старый едва с постели встает, а тут гляди — не сегодня завтра...

Вышел во двор, сразу жаром дохнуло — солнце в самой вышине. У собора нового на лесах тишина, не кричит никто. У известковой ямы ведра стоят полные, а мужиков нет, зато на дворе губернаторском суэта — ворота настежь распахнуты, караульные из будок вышли, а люди все, как сговорились, бегут к Пречистенским воротам из крепости, на Большую. Не пожар ли, не приведи Господь? Прошлый год горели, так и не все еще дома новые поставили, головешек полно по слободам. Такого огня, как в том году, давно в Астрахани не было.

Нет, не пожар вроде — весело бегут. Селитренный мастер Ефим Степанович на дворе встретился — разъяснил: в город слон шествует! Серокан-бек, сокольничий шахский из Шемахи, ведет слона государю царю в подарок. Весь город с утра у заставы.

Дивный зверь слон!

Хотел домой зайти, Ефим Степанович отговорил. Вот-вот посольство покажется, а может, и идут уже по Большой, музыканты с час назад к заставе отправились. Сам Тимофей Иванович Ржевский — губернатор, с товарищем — Никитой Ивановичем Апухтиным — с музыкой выехали.

Домой не пошел, заспешил к воротам.

Персидский двор, Индийский, ряды торговые — все закрыто, как вымерло, только ишаки на скотных

дворах орут — не напоили их с утра, а может, слона почуяли?

В городе толпа сама навстречу высыпала. Ребя-тишки плетни облепили. Толпа напирала, валила из-городи. И вдруг все разом подались еще вперед, как за бечеву корабль потянули, и все смешалось окончательно: гомон, толчея базарная, сюртуки, халаты стеганые, платья, пузатые сарафаны, редкие немецкие шляпы утонули в море тюбетеек, тюрбанов, войлочных шапок и просто голов бритых и голов патлатых; мелькали моржовые армянские усы, калмыцкие козлиные бородки и холеные восточные бородищи, иссиня-черные, тщательно покрашенные и расчесанные самшитовым гребнем; пыль из-под ног поднялась до неба, как на лошадиных состязаниях, а языки, языки — Вавилон астраханский!

— Идет! Идет!

Расступились, вжались в плетни, повалились в обочины, забрались на крыльца.

Сначала стрельцы проехали верхами, дорогу расчищать, но уже и не надо было. Показался оркестр — флейтчики, гобоисты, барабанщики во главе с капитаном Вагенером чеканят шаг под немецкий марш. Двух иноходцев персидских, как смоль вороных, солдаты под уздцы провели. Кони коврами покрыты разноцветными, ворс пушистый, нечесаный. За жеребцами три телеги, тоже коврами застелены. На них клетки огромные с птицами: в первой и второй — попугаи по парам подобраны, самец с самочкой. Попугаи на толпу кричат, волнуются, по клеткам прыгают, а в третьей — одна клетка на всю телегу с чудо-птицей-жар: огнем вся горит, как смарагд переливается. Не видали таких птиц в Астрахани. Ни персы, ни индийцы, ни бухарцы их не привозят, кто же

тут на такое диво раскошелится — царская птица, ей и полагается у царей жить.

За птицами — слон-зверь. Плывет над морем голов, чуть покачивается, а на шее человек в чалме — всадник. Правит без узды. В руке орудие чудное, согбенное крюком на конце, — как ишака палкой по шее подгоняют, так он слона своим крюком покалывает в затылок.

Идет слон. Ноги — четыре бревна тяжелых, толстотелесен, бесшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, ступанием медведеподобен, от верхней губы нос имеет, или губу, или хобот, что, как рукав на ризе, до земли висит. Носом сим и еду, и питье забирает и, согнув змеєю, в уста маленькие свои отдает. От верхних зубов два превеликих зуба наружу торчат: один остер, как у единорога рог, да только не крученый, другой на конце потесан и меньше первого. На главе тяжелой — бусинки-глаза и уши великие, как заслоны печные, при ходьбе болтаются. Сзади хвост сухой, подобен воловьему, жилистый.

Народ от страху друг в друга вжался, не кричит, все больше вполголоса, да глаза у всех горят. Только калмыки пронзительно по-своему лопочут.

Идет слон. Дышит тяжело. Бока западают, как меха кузнечные. Хобот-губа чуть подымется, снова опустится, а то в кольцо свернется. И человек на нем, как воробей маленький, уместился и не боится.

Налево и направо от слона губернского полка астраханского солдаты идут, на зверя косятся — как что вдруг, успеть бы убежать.

Идет слон. Головой мотает, пыль от ног ему в глаза летит, да слепни лезут в рожу, норовят в губу укусить. И дух от слона тяжелый, мощный, под стать его росту и силе.